

РАССКАЖИ О СВОИХ ПЛАНАХ

Наверное, когда читатели видят такой заголовок, то думают, что пропустили принятие решения о введении дополнительной формы отчетности и планирования. Вот и нет. Речь о планах «Окон роста». Предполагалось, что сегодняшняя колонка будет посвящена запуску нового приложения, которое пополнит семейство изданий «Окон роста» и будет посвящено... Но планы изменились, и мы решили пока ограничиться анонсом. О том, что это за приложение и кто станет его главным героем, мы расскажем в следующий раз, вместе с выходом первого его номера, а пока загадка, в ответе на которую и зашифрованы главные герои будущего приложения: «Не преподаватель, а попадает в Вышку по конкурсу, не студент, а сдает исследовательские работы».

Зато в традиционном уже приложении «Языки Вышки» сегодня рассказы об итальянском языке. Как всегда, рассказ о языке тесно переплетается с рассказом о жизни самого рассказчика, ведь для многих изучение языка было связано с открытием новых жизненных горизонтов, встречами с новыми людьми и новыми открытиями. Кстати, в редакционном портфеле уже такой длинный и разнообразный список языков, что его хватит как минимум до конца календарного года.

Сложно писать о сегодняшней теме основной части выпуска «Окон роста». Редкий случай, когда она не нуждается в особом представлении. Сегодня, после Дня Победы, мы говорим об истории, точнее, тяжелых страницах нашей истории – о блокаде Ленинграда, – словами участника этих событий профессора Вышки Аполлона Борисовича Давидсона. Когда мы говорим, что главное в Вышке – это люди, это не простые слова. За ними настоящая, не ограничивающаяся этой четвертью века история нашей культуры, нашей жизни, нашего университета.

Мария Юдкевич,
проректор НИУ ВШЭ ■

ДРУГИЕ ГОРОДА ОНЛАЙН

На портале Вышки заработал сайт проекта «Другие города»! Теперь все 83 рассказа профессоров и преподавателей Вышки о своих любимых городах представлены в открытом доступе.

Составителей в равной степени интересовали российские и зарубежные города, бытовые реалии и культурные традиции, личное восприятие города и то, как город повлиял на становление нашего героя как ученого. Одной из главных задач этого проекта было сопоставление академического опыта. В результате получилось полноценное путешествие, в ходе которого читатели посетят 83 города, 32 страны и 5 континентов, побывают как в культурных столицах, так и на разных концах света – от Анкориджа до Парижа. Вместе с героями проснутся утром в Париже от запаха свежей выпечки, покатаются на трамвае по Вене, понаблюдадут за жизнью Праги из кафе «Славия», послушают лекции в Шанхае, сходят к дому Гуссерля на Лореттоштрассе во Фрайбурге, научатся готовить шукрут во Фрибурге и попытаются уснуть на футоне в Токио.

Читайте и наслаждайтесь: <https://25.hse.ru/cities>. ■

Ко Дню Победы:

Аполлон Давидсон о первых месяцах войны и блокаде Ленинграда

«Ты идешь по жизни, и кажется, что рядом с тобой люди, которые помнят то, что помнишь ты. Ведь все это было так недавно! Но в какой-то момент вдруг ощущаешь, что вокруг тебя поредело. И то, что помнишь ты, помнят лишь немногие. И все, что тебе казалось таким ясным и очевидным, для других совсем не так ясно и вовсе не очевидно...» – специальный выпуск «Окон роста» приурочен ко Дню Победы. Профессор Высшей школы экономики, академик **Аполлон Борисович Давидсон** вспоминает о первых месяцах войны и блокаде Ленинграда.

И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.

Анна Ахматова (1945)

Накануне войны

Довоенный Ленинград помнится мне как самый культурный город из тех, где я бывал. И даже сотни тысяч переселенцев, уехавших и приехавших в город после революции, не изменили кардинально его облика.

Не только к мысли, что город может быть окружен, но и к самой мысли о войне с Германией большинство ленинградцев были не готовы. Два года, с августа 1939-го, из официальной пропаганды изымались упоминания Германии как возможного противника.

О большой политике мы, мальчишки, узнавали по косвенным признакам. Война в Испании – в детских газетах тут же появлялись карикатуры на Франко, где он стоял с громадным окровавленным топором. Испанские дети приезжают в Ленинград, их встречают как героев, все с ними хотят познакомиться, поговорить, хотя бы жестами.

Было ли предчувствие войны? Взрослые читали статьи И. Ермашова в «Огоньке» и узнавали, что страны Европы сдаются одна за другой. Но официальная пропаганда всячески успокаивала, скрывая многое о фашизме в Европе. Разве что в лекциях, устно, некоторые докладчики позволяли себе упоминать об этом. А общее настроение было таким типичным для нашей страны: авось, пронесет!

Начало войны

Война застала меня на Волхове, в глухой деревне под Киришами, в нескольких часах езды от Ленинграда. Моя тетя работала в геодезической партии и взяла меня с собой – отдохнуть после школы. Вечером, вернувшись в деревню, геодезисты узнали от колхозников о начале войны. Сотрудники должны были ждать распоряжений, а я принял первое самостоятельное решение в своей жизни – вернуться в Ленинград. Я самостоятельно

добрался до железнодорожной станции, но билеты уже не продавали, и шли бесконечные воинские эшелоны. К счастью, меня взяли к себе в теплушку какие-то красноармейцы, и я добрался.

Ленинград встретил солнечной погодой и окнами, заклеенными крест-накрест полосками бумаги. Около дома я встретил одноклассников с вещами. Ребят эвакуировали на Валдай. Я тоже был с вещами, они даже уговаривали меня поехать вместе, но я категорически не хотел уезжать: слишком долго и тяжело я добирался до города. Уезжали мои любимые друзья. Почти никого из них я больше никогда не увидел. Не увидел больше и Панфилова, строгого директора школы, и учителя пения Вахромеева, единственного мужчину из учителей нашего класса: оба не пришли с войны.

В первые недели войны я вернулся к ленинградской жизни: одноклассники уехали, школы не было, взрослым было не до меня, делать было нечего, и я читал. Белые ночи еще не закончились, по вечерам можно было читать и без электричества. В молниеносное продвижение немцев к воротам города никто не верил, очевидно, потому, что город не бомбили, даже когда в Москве бомбежки стали обыденным делом. Доходило до полной наивности. Думали, не увезти ли детей на дачу, в пригороды: если начнут бомбить, там будет безопаснее. Страха оказаться в осажденном городе не было. Нарастал и поток беженцев в город, даже казалось, что людей в Ленинграде к началу блокады было не меньше, а больше, чем перед войной.

В блокаде

В первых числах сентября город был окружен, долетали первые немецкие снаряды, затем начались бомбежки. Сгорели продовольственные Бадаевские склады, и с этих дней возник страх голода. Однако даже намек на панику не было: Ленинград не пережил ничего подобного московскому 16 октября.

Вся родня с маминой стороны собралась вместе, в одну большую комнату на Шестой линии Васильевского острова, напротив кинотеатра «Форум». Беседовали о скором прорыве блокады, о том, что вот-вот отобьют у немцев ключевое место – станцию Мга, о том, что на помощь Ленинграду идут сибирские дивизии. Надежды эти одна за другой рушились, потом возникли снова, чтобы обрушиться вновь.

Однажды бомба попала в кинотеатр «Форум», прямо напротив нашего дома. Кинотеатр вспыхнул как факел. Люди из соседних домов высыпали на улицу. Крики людей – на это еще были силы. Лай собак – в сентябре еще были собаки. Для меня, как и почти для всех вокруг, это первая бомба совсем рядом. Я сидел под окном, читал «Графиню де Монсоро», и вдруг на меня свалилось одеяло, которым было завешено окно. Звон стекла, осколки разлетелись по всей комнате, и, казалось, пламя прямо врывается в окно. Говорили потом, что это была комбинированная фугасно-зажигательная бомба. После этого жить там оказалось невозможно, и пришлось разъехаться по своим домам. Мы с мамой вернулись на улицу Ломоносова, но и там не хотели быть одни. На этот раз объединились с соседями – семьей Набоковых. Думаю, это было типично для тогдашних петербургских квартир. Все переселились из своих комнат на кухню, которая была в глубине квартиры.

Преимущество общей жизни на кухне мы особенно почувствовали 5-6 ноября, когда немцы обрушили на город бомбовый шквал. Большой фугас разорвался в полутора метра от нашего дома. Бомбы падали в Фонтанку. Пол ходил ходуном. От роскошного здания банка, совсем рядом, остались только стены. Рассказывали, будто кому-то все же удалось спастись: массивный старинный стол перевернулся, и человек оказался в пространстве между крепкими дубовыми ножками. Так и летел вниз, а ножки задержали падавшие вслед обломки, так его и откопали. Было ли это на самом деле? Не знаю, но хотелось верить в чудеса.

Голод

Горожане не верили слухам, будто первопричиной голода стал пожар на продовольственных Бадаевских складах после немецкой бомбежки. Могло ли все содержимое складов погибнуть от одной бомбежки? И вообще – неужели громадный город полностью зависел от одной группы складов?

С начала ноября 1941 года всем стало не до бесед, наступил настоящий голод. С середины ноября почти прекратились встречи между родственниками и друзьями, если они не жили совсем уж рядом. Не хватало сил ни на что. Если раньше люди пригибались при свете снарядов, теперь уже нет. Не потому, что стали храбрее, просто не было сил. Не было сил спускаться в бомбоубежище, хотя оно было в соседнем доме. В сентябре-октябре иногда даже ночевали в бомбоубежище, с середины ноября – и это не по силам.

Интеллигенция оказалась самой неприспособленной к блокаде: ее умения не помогали выжить. Она не умела делать печки-буржуйки, а, наоборот, платила за них. Платили из своего голодного пайка даже те, кто был уже обречен. И деваться некуда: морозы стояли до 25-30 градусов, окна во многих домах выбиты взрывными волнами бомб и наспех залатаны фанерой или картоном. Не умели делать гробы, а это, как и буржуйки, было доходным делом.

Кто умел, доставал дуранду – так в Ленинграде называли жмых. Ни мы, ни наши близкие этого не умели. В какой-то мере выручало, что мама еще летом запаслась чечевичей. Пережив голод 1921-го в Поволжье, она всегда боялась его повторения, поэтому

сделала запасы. Конечно, этого хватило ненадолго. В одной из листовок, которые немцы бросали на город, были слова: «Чечевичу съедите – город сдадите». Долгое время после войны мне казалось – ничего нет вкуснее чечевичной похлебки. Я и до сих пор ее люблю.

Декабрь и январь – настолько страшные, что и не описать. Да и не уверен, что так уж отчетливо помню. От голода память, как и все чувства, притупляется. Восприятие становится не очень отчетливым. Вялость.

Не стало моих двоюродного брата и двоюродной сестры – им обоим не было и восемнадцати. Никто не знал, когда наступит его черед. Мы с мамой были уверены, что нам тоже остались дни, может быть – часы.

Обтянутые кожей лица серо-землистого цвета. Как черепа. Врачи говорили, что по губам можно определить, выживет ли человек. Если совсем серые – не жилец. Началась цинга, у меня выпали два коренных зуба. Оказалось, что хуже всего переносят голод мужчины. Большинство умерших еще в декабре – мужчины. Слышал о случаях людоедства, но сам видел только раз: в соседнем дворе лежали обглоданные человеческие берцовые кости. В магазинах видел, как вырывают друг друга «довески» – маленькие кусочки хлеба. Видел, как голод доводил до потери человеческого облика. Но в кругу близких такого не припомню. Скорее – самопожертвование. Помню, нас поразило, как бабушка пришла к нам узнать, живы ли мы. Пришла с Васильевского в Чернышев.

Однообразные дни, без воды, без света, без тепла. Главное – без еды. Не раздевались ни днем, ни ночью. Очереди за пайком – сырым глинистым хлебом. Иногда его привозили только к полудню, а бывало – и на следующий день.

Я рубил топориком мебель для буржуйки. Начал с мелкой, потом дошел до дивана. Но старинный дубовый сервант не одолел, сил не хватило. Это его спасло, и он по сей день стоит у меня в гостиной.

К началу марта подвоз продовольствия немного вырос, чуть прибавили хлебные нормы, тут же возник черный рынок: можно было обменять какие-то вещи на хлеб. В нашем доме был продовольственный магазин, в который ушло много наших вещей.

Эвакуация

Шла эвакуация по Дороге жизни, по льду Ладоги. 25 марта мы с мамой, бабушкой, тетей, женой ее брата и ее двумя сыновьями на детских саночках повезли свой убогий скарб. Мороз кончился, снег таял. На вокзале каждому дали по миске каши с сарделькой! Но чуть отойдя от города, на Ржевке, поезд остановился и простоял там два дня. О еде не было и речи. Тела умерших складывали у подножек вагонов, на снегу.

Затем мы ехали на полutorке по Ладоге. Всех накрыли брезентом, наверное, чтоб не пугались зарева боев на южном берегу. Я, естественно, брезент откинул. И увидел зарево – недалеко, южнее – фронт. Грузовик перед нами ушел под лед – попал в воронку. Шоферам было трудно: конец марта, поверх льда – вода. Дальше – другой берег, Большая земля, и двадцатидневный путь до Свердловска, куда доехали не все. В нашей семье – из четверых взрослых только двое. Бабушка скончалась в день приезда в Свердловск, тетя еще в поезде.

Сегодня есть немало воспоминаний и исследований о блокадном Ленинграде, но все же куда меньше, чем заслуживает гибель миллиона ленинградцев и трагедия тех, кто каким-то чудом уцелел. ■

СЕРГЕЙ ЛЕВИН

HSE SPb RESEARCH DAY – МОЙ ЛЮБИМЫЙ ДЕНЬ

20 апреля 2018 года в Санкт-Петербурге прошел первый HSE SPb Research Day. Это большая междисциплинарная конференция и научный конкурс для студентов и аспирантов ВШЭ – СПб. Вдохновением для организаторов послужили аналогичные мероприятия, регулярно проводимые в ведущих университетах. Девяносто три участника делились результатами своих научных изысканий в виде постеров и докладов, все исследования оценивались специальным жюри. Каждый должен был представить свою работу на доступном языке, чтобы его поняла и условная бабушка (к слову, одна бабушка в аудитории была замечена). Для того чтобы студенты могли эффективно донести свои мысли до аудитории, были проведены мастер-классы по созданию инфографики, постеров, а также по навыкам академической презентации.

У Research Day несколько целей. Во-первых, это продвижение академической работы в целом, т.е. показать, что заниматься наукой – это почетно и увлекательно.

Во-вторых, это прекрасная возможность для участников завести новые знакомства и создать исследовательские команды. Сложно переоценить важность сетей профессиональных контактов для академической и бизнес-карьеры. Research Day в этом отношении выступает хорошей площадкой с высокой концентрацией интересных и талантливых людей. На мероприятии также присутствовали представители научных лабораторий и магистерских программ, которые могли обратить внимание на перспективных исследователей. К продуктивному общению особенно располагал формат постерной сессии, где у гостей мероприятия и авторов постеров была возможность обсудить детали исследования, спокойно задать уточняющие вопросы и т.д. Сделаю лирическое отступление и добавлю, что достоинства постерных докладов часто остаются недооцененными и я рад, что Research Day способствовал популяризации данной формы представления знания.

В-третьих, Research Day – это ценный опыт участия в научном мероприятии. Чтобы стать в чем-то лучше, нужна практика. Любой дедлайн – это дополнительный стимул что-то сделать, а для многих участников это был первый стимул подготовить научное исследование и выступить перед публикой. Это выгодно отличало мероприятие от некоторых внутрифакультетских студенческих конференций, где доклады читаются для собственных преподавателей или перед другими студентами той же специальности. Более того, мультидисциплинарный характер мероприятия

дополнительно подталкивал к тому, чтобы представить свою работу на понятном неспециалистам языке. Такая адаптация всегда помогает взглянуть на свою работу со стороны и лучше понять то, что ты делаешь.

Наконец, целью Research Day является не только наука, но и образование в самом широком смысле этого слова. Можно было послушать коллег и даже поучиться у них. Многие исследования были проведены на высококлассном уровне и на актуальные темы. В плане методологии чужие исследования могут быть уроком одновременно о том, как надо и не надо проводить свои изыскания. В плане содержания послушать доклады и посмотреть постеры было просто интересно, и я рекомендовал бы всем студентам и преподавателям приходить на будущие Research Day и в качестве слушателя. Это, помимо прочего, позволяет понять, что происходит в соседних департаментах. Очень необычно сравнивать между собой то, что делают студенты таких разных образовательных программ, как юриспруденция, политология, филология, менеджмент и др. Большим сюрпризом для меня было то, что запоминались почему-то исследования на максимально отвлеченные от сферы моих собственных исследовательских интересов темы. Например, постер про защиту природы на Командорских островах или доклад о связи публикационной активности руководства предприятий и качества экспорта из Российской Федерации.

При проведении следующих Research Day что-то будет обязательно меняться. В частности, можно постараться сделать так, чтобы у начинающих и продвинутых исследователей было больше возможностей получить фидбэк от преподавателей разных направлений. Как и всякое большое событие, Research Day выглядит по-разному в зависимости от перспективы. В данной колонке я постарался написать про те моменты, которые казались наиболее важными мне. Общее впечатление от мероприятия у меня и, кажется, у большинства тех, кто присутствовал, было в высшей степени положительное, главным образом из-за достойного уровня многих докладов и постеров. Research Day состоялся благодаря усилиям многих людей, в том числе благодаря студенческому организационному комитету, сотрудникам Центра организации науки и академического развития, членам жюри и программного комитета и, конечно, самим участникам. Каждый, кто как-то помог HSE SPb Research Day, может гордиться тем, что положил начало созданию новой замечательной традиции нашего кампуса.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев. Иллюстрации Василия Храмова.

Перепечатка и воспроизведение материалов бюлетеня «Окна академического роста» возможны только с разрешения редакции.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677.

Подписаться на рассылку можно здесь: <https://okna.hse.ru/contacts>. Дата выпуска: 10.05.2018.